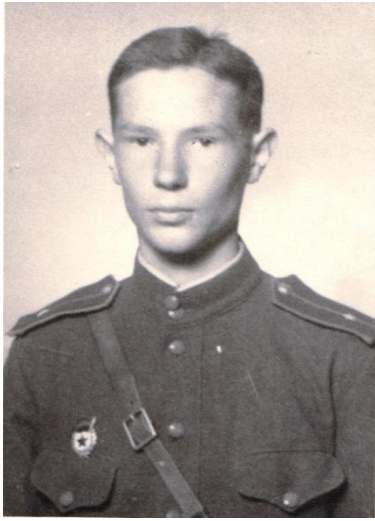

Лазарь Маркович Чухович

Я родился в Ташкенте. Временами выезжал куда-то, в Москве был несколько раз, в Ленинграде был, а основное место жительства у меня всегда был Ташкент. Я кончил 9 классов, затем ушел в армию, попал в снайперскую школу. Она в городе Иолатане, потом ее перевели в Кушку, самую южную окраину Советского Союза. Там ужасно жарко было. Вот, ну не выбираешь место, где служить, куда пошлют – там и служишь. И поэтому я и учился в этой снайперской школе. Ну, сразу увидели, что я что-то соображаю, и меня даже хотели оставить после окончания школы там преподавать и быть младшим командиром. Я сказал, «Не для того я рвался в армию, чтобы преподавать в школе снайперское дело».

Нужно знать расстояние, уметь пользоваться прицелом. Но особой сложности я, например, не чувствовал, может быть потому что я уже был в значительной степени подготовлен, и поэтому для меня все это было, как хорошо выученное правило, знание. В снайперской винтовке есть оптический прицел. И с помощью этого оптического прицела можно было определить расстояние до противника, до цели, в которую ты целишься.

Я стрелял максимум на 800 метров. Считается, что винтовка стреляет на 5 км и на всем протяжении убойная сила сохраняется. А прицельная дальность при снайперской винтовке 800 м. А больше уже оптический прицел не дает расстояние. Но я стрелял, в немцев, в фашистов стрелял на расстояние и 800 метров тоже. Мы на одной горе находились, а немцы от нас уже поднимались в гору на другую сторону, внизу ложбина была. С каждого выстрела человек падал, промахов не было. Ну и тогда меня уже в полку узнали. И я же был в армии уже в последние годы войны, мы за немцами гнались. Мы пешком по 70, по 80 км. в сутки, а они на машинах от нас. Идешь и думаешь, ну, хотя бы какой-нибудь пулеметик остановился, чтоб мы могли на несколько минут лечь на землю. Но были и сражения большие, правда в больших сражениях наших тоже много погибало.

Я меньше года учился, я в августе закончил. Это был общий курс, весь поток начинал учиться в августе месяце, а заканчивали... Нет, почему я говорю в августе? Мы приехали туда где-то в декабре, а в августе уже закончили. Ну нас всех готовили к фронту, и мы имели практику в стрельбе,

из боевого оружия. Я знал прекрасно материальную часть, мог разобрать до винтика винтовку, пулемет. У нас других винтовок не было, только советские винтовки. К снайперской, там был дополнительно снайперский прицел привинчен и рукоятка затвора, она была согнута, чтоб можно было не так вот (показывает) открывать-закрывать затвор, перезаряжать, а можно было просто пальцем вот так вот отжал и... Там удлиненная и загнутая ручка, рукоятка затвора была.

Я же в основном был уже в 1944м году на фронте. И поэтому мы были в основном в наступлении. А в наступлении участие снайпера оно как бы меньше. Снайпер в основном должен окопаться и сидеть ждать свою цель. А мы большую часть времени были в походах. Гнались за немцами, они от нас отступали, а мы за ними гнались. Это была 41-ая гвардейская стрелковая дивизия, она известная, у меня даже есть книжечка, внук читал, куда-то положил. «В бой шла 41-ая гвардейская». Это довольно известная дивизия была, многократно отмечалась приказом Верховного главнокомандующего, что за отличные действия. У нас было где-то куча благодарностей от Сталина, но подписанные не Сталиным, а нашим командиром полка или дивизии, я уж сейчас не помню. У нас зарплата была больше, но так как я был там рядовой, я зарплату практически не получал. На то эти части и гвардейские, им и присуждали такое звание только тогда, когда они заслуживают это.

Но все дело в том, что я ранен был в декабре 44го года, в ногу. А после ранения - пуля прошла и вышла - я быстро вернулся. Попросил, чтоб в госпитале сразу, как будет запрос из дивизии, из нашего полка, чтобы меня отправили. И у меня еще не были сняты повязки, как пришел запрос, и меня туда посла. Я приезжаю в свою часть, меня приглашают минометчики: «давай к нам!», а я говорю, нет, я пойду к своему командиру. Нашел своего командира, Ицковича, он встретил меня с большими объятьями: «принимай взвод!» Я у него был во взводе, и вдруг - «принимай взвод», а мне всего было 18 лет к тому времени. Но приказ есть приказ, тем более во время войны. И я принял взвод и стал командовать взводом, это уже было в Венгрии. Я начал воевать уже в Венгрии, август 44го - это уже Венгрия. Правда, когда шли, то попадали еще и на Югославскую территорию. Но югославы нас принимали с распростертыми объятьями. А в Венгрии они нас боялись, очень боялись. Но венгры, они и сами воевали против нас. Но они часто в очень большом количестве сдавались в плен. Идешь по лесу, вдруг, смотришь, из-какой-то норы вылезает один за другим несколько человек. (произносит несколько слов по-венгерски, как они себя называли) То есть не немецкие солдаты, а мадьяры (венгры). Я с

тех пор запомнил такое выражение. (смеется) Для нас это было очень приятно, что мы захватываем, не нас захватывают.

Ну ранили меня, я бы сказал так, по моей самоуверенности, что ли. Было таким образом, что мы всю ночь шли, догоняя немцев. На каком-то рубеже нас остановили, мы окопались. Нам принесли ночью хороший борщ, мы поели хорошо, все. И к утру, когда мы уже стали что-то видеть, я услышал, что справа от места, где мы расположились, где я с моим напарником – я в снайперской паре был. Это мой друг, я с ним продолжаю и переписываться, и по телефону разговариваю, он на Украине сейчас живет. Мы вместе учились в снайперской школе, вместе кончали и все время были вместе. Когда я вернулся из госпиталя, его уже не было, ему руку оторвало.... и он сейчас без правой руки. Но пока еще мы живы, и он и я (смеется).

Ну и мы в одном из боев, я хотел напомнить, как получилось, что на большом расстоянии, мы всю ночь шли и ужасно устали. А к утру видим внизу ложбину, а по ложбине какая-то серая масса идет. Наши ли, не наши ли – мы не знаем. Между двух гор по ложбине идет какая-то масса людей. Ну мы насторожились. Потом, когда в бинокли, в снайперские прицелы увидели, что это немцы, то наши стали, артиллеристы... А у нас, мы шли в разведку боем и к нам была приставлена батарея сорокопятчиков - наверное вы не знаете. Это сорокопятимиллиметровые орудия, они батальонного значения, самые маленькие орудия, которые были тогда на вооружении. Сейчас может быть и меньше есть, не знаю. У нас были сорокопятки, больше всего их и было, потому что они были непосредственно в пехоте. Их можно было использовать в пехоте, не нужно было особых механических средств передвижения. Одну прицепил к лошадям и тащи ее. И вот сорокопятчики начали обстреливать их.

Я помню, что я и мой командир взвода, мы спустились вниз. А артиллеристы стали стрелять по серой толпе, они стали подниматься в гору на противоположную сторону. Я слышу, что около меня начали взрываться снаряды. Посмотрел, а Ицкович мне говорит: «Это в нас стреляют!», а я говорю: «Да нет, это наши нечаянно, они не узнали» и мы помахали, что это мы, тогда они перенесли огонь дальше. Ну когда мы увидели, что в ложбине уже никого не осталось, мы поднялись вверх. Смотрим, по противоположному склону горы одиночные силуэты двигаются, поднимаются вверх. И мне: «Ну, снайперы, покажите свое мастерство». Я замерил расстояние, посмотрел на ветер – учел движение ветра – это тоже влияет на большом расстоянии на точность прицела. Все рассчитал спокойно и стал стрелять. Сколько там было побито - я не считал. Но когда я уже

увидел, что никого нет и пошел в соседний дом, где разместились наши артиллеристы и уже там закусывали. Я говорю: «Будем знакомы, я – тот, о ком вы говорите». А они говорили : «вот снайпер – как выстрел, так солдата нет! Как выстрел – так попадание». И после этого они меня часто на своей гужевой тяге меня подбрасывали, когда приходилось идти пешком далеко. «Снайпер, - говорят, - подсаживайся». Ну и подсаживался, и они меня спасали от усталости.

Когда мы кончали снайперскую школу, у нас было звание «ефрейтор». А что такое ефрейтор? Это старший солдат, он даже не младший сержант, не младший командир. Но когда я попал на фронт, я даже не стал называть себя ефрейтером. Рядовой – и всё, и все документы стали – рядовой Чухович. Но после ранения, когда я принял взвод (приказали принять взвод) то к апрелю я был уже младший лейтенант.

А, да, о ранении, когда мы ночью подошли к какому-то рубежу, и после приема пищи в темноте. Чуть просветлело и я услышал, что справа у нас течет какой-то ручей, я говорю своему другу: «Валёк, я пойду возьму воды» и пошел набирать воды. Набрал воды, там попил, в котелок еще набрал (мы же походные котелки имели). Подхожу к своему окопчику и вдруг чувствую, что в меня попала пуля. И все, я говорю: «Валёк, я ранен». «Ну, лезь ко мне, я тебе забинтую». Я говорю: «Да не беспокойся, я сам забинтую» Ну, снял себе брюки, завязал себе ногу, докладываем Ицковичу, что вот – ранили. Он говорит, «Ну что, теперь иди в санбат» А в санбат, значит, по верху надо идти. Я пошел потихонечку вверх, но мы лежали в полосе не то кукурузы – росла она, хоть время было зимнее, но не скосили ее. Я не помню – не то кукуруза, не то подсолнечник. И по полосе подсолнечника я спокойно дошел до укрытия, за бугор. Там меня посмотрели, направили в санбат, ну а из санбата отправили в госпиталь.

Госпиталь располагался в городе Оча, в Венгрии. Там нас очень хорошо обслуживали. И я своему врачу, там женщина была, молодая женщина, ну я-то пацаном был, а она относительно меня значительно старше. Я ей говорю, я когда был маленький, то практически каждый месяц простуживался, болел. Но когда началась война, я стал себя как-то закалять. Я купался в реке, плавать научился, двухпудовую гирю даже поднимал одной рукой. И вот я часто простуживался, а тут я в декабре месяце переплывал вплавь канал в Венгрии. Потому что до моста идти под обстрелом, а мост сам уже пристрелянный, там идти на верную смерть. И мы почти все солдаты вынуждены были плыть через канал вплавь. Он не широкий, но все равно, все-таки это декабрь месяц. И я вот так переплывал и шел дальше. И с меня хоть что, ничего я не чувствовал, никаких простуд.

ничего не было. И я своему врачу говорю: «Как же так, я такой был слабый, а здесь все как рукой сняло. Никакой простуды, ничего, организм выдерживает». А эта врач говорит : «Когда попадете в хорошие условия, все вылезет наружу». И это я запомнил на всю свою жизнь. Я когда и в армии был и после армии, я в любую погоду выходил на улицу и там обмывался либо водой, либо обтирался снегом по пояс. Я и по ныне снегом на балконе обтираюсь. Уже в этом году было несколько раз. И вот таким образом я дожил, сейчас мне 88 лет уже, это уже не маленький возраст. К сожалению, многие мои ровесники уже ушли. Но я еще пока жив. Вот такая моя история.

Ну, госпиталь – это госпиталь. Там есть нормальные больничные условия, мы спали на кроватях, нас обслуживали и медсестры и врачи. И регулярно обследовали, перевязки делали. То есть это было нормально. Город есть город. Питание там тоже было хорошее. Все нормально там было. На фронте там было не регулярное питание, мы чаще всего питались тем, что... Мы идем и к нам даже не подвозили довольно часто продукты. Но мы заходим в квартиру или дом какой-нибудь. Бывают семьи, которые расположены, вот югославы, они нас встречали на улицах с бутылками вина. Вот проходят и каждому наливают в банку вино. «Выпей!» , а потом в дом заходи и там уже стол накрыт – ешь все, что хочешь. В Венгрии такого не было, приходилось спрашивать хлеб, картошку. Ничего не платили, да они готовы что угодно дать, лишь бы их не убивали. Венгры нас очень боялись. Даже доходило до того, что вроде бы им говорили, что у нас рога растут. Мы в грязных шинелях, потому что мы в грязи, в снегу, не успевали их очищать. Так они на колени падали и шинель эту целовали. От страха, что только не трогай их! Вот так. Если мы заходим в село, нам никто не откажет в пище. Никто. Ни тот, кто нас уважает и любит, ни тот, кто нас боится.

На Балатоне я был как раз, там очень много было побито наших. Ну что делать? Война есть война. Не всегда получалось, чтоб мы.. Но у меня получилось, что я в отступлении и в окружениях никогда не был, я был только в наступлении. И мне, я считаю, повезло в этом отношении. Это хоть и меньше условий для снайпера, но зато мне было более приятно наступать, чем обороняться.

Ну, у нас были и такие случаи, например. Мы подошли к железнодорожному полотну. Нас встретил огонь, мы залегли на насыпи железнодорожной. И стали следить, как только там где-то метров 100 или 200 видны были немецкие окопы, и они прерывались. Не шли подряд, и на каком-то месте выскакивали. И с насыпи, как только человек появляется, я уже готов в этом место был стрелять. Нажимаю, убил я его – не убил, я же

не вижу, потому что он же как прыгнул с насыпи, так и упал в насыпь. Живой он или нет – никто не знает. Поэтому я не могу сказать, сколько человек я убил. А там было довольно много выстрелов с моей стороны.

Я патроны носил так. Противогаз, который нам был положен, я выбросил, как и многие мои товарищи. И в эту сумку от противогаза я положил гранаты и патроны. В обоймах, потому что в снайперской винтовке сразу обойма вставляется. Я не знаю, как сейчас, но у нас было 5 патронов в обойме. Вот так.

Венгры в плен сдавались, а немцы не сдавались. И не сдавались еще, ну, вот эти русские, которые были на их стороне. Такие тоже были. Да, да. Как раз в конце войны они больше всего нас тревожили. Потому что они сдаваться тоже не сдавались. Они дрались до смерти. Они знали, что они уже не победят, но дрались: пока дышат – они дерутся. В плен они не надеялись, что их возьмут, потому что они знали наше отношение к ним. Вот так.

С пленными немцами, мы с ними не разговаривали. Я и не знал даже немецкий язык и у нас разговоров с ними не бывало. Пленных сразу сдавали и все.

Ну, наши старались здания сохранять. А вот немцы наоборот, даже в Вене, вот в нашем полку было такое, что они уже какой-то собор заминировали и должны были взорвать. Но наши авангардные, не я, я в этом не участвовал, но соседний батальон увидел, что там немец отбежал, хотел поджечь этот бикфордов шнур... Оборвали и спасли их же, а это уже была Австрия, спасли собор. Почему они их уничтожали, потому что на собор когда залезаешь, особенно на колокольню, ты очень далеко видишь, что творится. И с самой колокольни можно вести огонь. Вот они и хотели взорвать, чтобы этого не было. Но это уже было на подступах к Вене.

Мы встретились с американской армией за Вайтхоффеном, примерно, пятнадцать-шестнадцать километров после Вайтхоффена – это в Австрии, встретились с американцами. Как раз 8го мая 45 года. Это практически для нас День Победы был уже 8го мая. И сразу же нас развели в разные стороны.

Озеро Балатон – это в основном Будапештская операция. А дальше уже Австрия, это уже мы шли... Причем, мы же не знаем, где граница между Австрией и Венгрией. Приходишь: «Вис» - просишь воду, а они говорят: «Nicht «vis» - «wasser» и нам стало понятно, что мы уже не в Венгрии, а в Австрии. Потому что в Австрии немецкий язык.

Австрийцы к советским солдатам спокойно относились, ну, по крайней мере, мы никаких таких особых противодействий населения не чувствовали. Они также нас боялись, как и венгры, но они как-то более спокойные были. Венгры вплоть до того, что трогали – «есть ли у нас рога»? До такой степени было.

Я не могу сказать, как часто меняли обмундирование, потому что меня одели в новенькое все, правда, американское, американского пошива было все. Это тогда помощь была американская нашим войскам. Да, да, наша форма, только сшитая американцами. И в этой форме я были и ранен, и потом. Только когда мне уже дали офицерское звание, тогда мне дали и новую гимнастерку. И шинель тоже дали новую. Все обмундирование было офицерское, все-таки там по-другому немножко.

У меня есть фотокарточки, где и солдаты, и мои подчиненные, в одной роте, в одном взводе. Они все с каким-то уважением ко мне относились, я не знаю. Я был самый молодой, но меня почему-то все уважали. Объяснилось наверное тем, какой я солдат и все. Они спрашивали у меня совета. У меня во взводе были люди, которые мне в отцы годились. А меня назначили командовать ими. У меня была и молодежь и относительно немолодые люди. Но младше меня никого не было. Прошедшие всю войну с начала до конца? Конечно, попадались, и в нашем полку были такие, но у меня во взводе... Это все-таки большая редкость. Всю войну пройти ...

Меня вот здесь спрашивали – чувствовали ли вы в армии, что вы еврей? Я говорю: нет, ко мне относились, как к своим друзьям. Все, кто меня знал, все были со мной в очень хороших отношениях.

Я ничего не могу сказать о заградотрядах, я их никогда не чувствовал, никогда! Ни в начале, ни в конце войны. Я только знаю, что рядом с нами, рядом с нашим батальоном, были и штрафные батальоны. Это те, что и дезертиры и какие-то нарушения по службе были, они попадали в штрафбат. И вот рядом с нами в одном бою участвовали и штрафбатовцы. Ну какой-то сектор был, вели наши командиры, а какой-то сектор вели их командиры. На одном участке. Там условия были какие-то... я в этих условиях не был. Я только знаю, что рядом с нами действовал и штрафбат. Как у них было, я не могу судить, потому что мне не до них было. Нашу

обстановку я относительно знал, насколько можно было знать в моем положении.

Я что могу сказать, когда я попал впервые в огонь, мне почему-то казалось - как это так меня может убить? Не может быть такого, чтобы меня убило. Но после того, как я вернулся из госпиталя, у меня было совсем другое настроение. Меня уже ранили, значит можно было ожидать и другого. И убить могут. Гибли на моих глазах, и не один, а очень многие были. Но что делать – война есть война. До ранения я не представлял, что меня могут убить или ранить. Я просто не представлял себе этого. Когда я вернулся из госпиталя, почти никого их тех, с кем я воевал, уже не было, в том числе и моего друга.

Ну что, Дунай переплывали ночью. Я не помню, ноябрь был, было холодно, но не вплавь переплывали, а на плотках. Саперы привозили бревна, складывали их, сшивали, а мы становились на эти бревна и.. Потому что лодок, конечно, у нас не было. Никаких ни лодок, ни катеров, ни, тем более, пароходов никаких. Ничего не было, только своими средствами. Дунай большая, очень большая река. Все зависит от того, в каком месте. Мы в районе города Мохача. Мы переплыли, а на следующий день взяли город Мохач. А потом шли. А вот этот Секешкехервар уже после озера Балатон был, там очень много наших погибло. Очень много. Да, там было тяжело. Я еще снайпером был. Нас все время передвигали, маневрировали. Сегодня в одном месте, завтра, раз и перебросили в другое место. Бой прошел, и мы как-то назад, в обход, в круговую.

Мне не приходилось с танками сталкиваться, но недалеко от нас были танковые сражения тоже. Мне, слава богу, не приходилось... Не имел с ними связи. Когда кончалась война уже сплошных немецких танков не было. Они сами удирали как могли. Но в то время, в конце войны, танков почти уже не было. Так что я не знаю, я служил в своей части. Я не мог даже в соседнем полку узнать, что там у них творится.

Да, спать приходилось где придется. Где на ногах даже спали, пока шли. Очень часто такое было, идешь и спишь. Выдерживали. Трудно даже себе представить, как это выдерживали. Я помню, как однажды мне командир взвода дает лошадь : «На, поезжай на лошади немножко», чтобы я отдохнул чуть-чуть. Я сел на лошадь, ею управлять не нужно, потому что она идет вместе со всей этой толпой. Вдруг – я вместе с лошадью лечу вниз. Оказалось, что она не увидела, что дорога с одной стороны имеет обрыв, одной ногой наступила туда и сразу перевернулась. И потом только через

километр мы смогли выйти на эту дорогу. Лошадь сама по себе, я сам по себе. Я с ней упал, но ничего не повредил себе, слава богу. Такое тоже было.

Помыться-почиститься? Вот вы знаете, как было: идешь и лужа на дороге. Наклоняешься и пьешь. Если нет нигде ручья рядом. Пить-то хочется. И вот пьешь прямо из дорожной лужи. Не смотришь насколько, она чистая – самое главное, что это вода. Такое было очень часто. Когда выпил все свое из фляги – там литр воды, на сколько это хватит?

Мы не хоронили погибших, передовые соединения, передовые части они похоронами не занимались. Этим занимается второй эшелон. Нам, как говорят, не до жиру – быть бы живу! Но гибли наши много. Мы не писали о погибших, родственникам писала бюрократическая служба тыловая. Я два раза отправлял с фронта, но это было очень трудно. Потому что когда успеешь написать? Я в первый раз написал после ранения. В госпитале когда лежал, вот там и писал. А опять с фронта я писать практически не имел такой возможности. Мне письма тоже не доходили, потому что сегодня - здесь, завтра – там. Это только так. Я же говорю, я в обороне не участвовал, я был только в наступлении.

Сколько мы прошли невозможно учесть. У нас было такое, что и в круговую идешь, ... туда, куда командование скажет... вот целая толпа и идет. Толпа это может быть полк, может быть рота, может быть даже взвод. Командир взвода получал указание, и вот ты как командир говоришь своим подчиненным – действовать так и так. Никогда не объясняли. А что объяснять? Задача наша такая... и все. И чаще всего ночью мы двигались, потому что ночью не так заметно.

Политруки были в армии. Обязательно. В наших рядах несогласных с главной линии партии не было. У нас были такие, например – «я немцев брать в плен не буду, только убивать. Они всю мою семью убили.. почему я должен смотреть на них, я должен отомстить за всех своих, за свою семью! Всех уничтожили...» А у нас в полку было очень много украинцев. И они из числа тех, которые были под немцами, они знали, что такое немцы.

Зверств немцев там мы уже не могли видеть, мы шли по территории, которые были им подвластны. Венгры воевали против нас, но чаще всего мы их встречали с поднятыми руками и складывающими оружие.

Концлагеря были тогда, когда кончалась война. Это дело было в конце войны, там дело было проще. И мы шли, почти не останавливаясь, догоняли немцев. А навстречу нам попадались те, кто был в лагерях, или угнанные на работы в Германию. Ну это уже было практически после войны.

Интервью подготовлено учениками и учителями

Русской школы Грамота.

г. Монреаль, 2014 г.

